

УДК 902»6377»(571.150)

ББК 63.442.6(253.3)

Традиции домостроительства населения эпохи поздней бронзы степного Алтая (по материалам поселения Бурла 3)*

А.С. Федорук¹, Д.В. Папин^{1,2}, А.А. Редников¹, О.А. Федорук¹, М.А. Демин³

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

³ Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Housebuilding Traditions of the Late Bronze Age Population in Altai Steppe (Based on Burla 3 Settlement)

A.S. Fedoruk¹, D.V. Papin^{1,2}, A.A. Rednikov¹, O.A. Fedoruk^{1,2} M.A. Demin³

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

³ Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена введению в научный оборот новых данных о традициях домостроительства у населения «бурлинского типа памятников» эпохи поздней бронзы Степного Алтая, по материалам раскопок поселения Бурла 3 в 2013–2015 гг. За период раскопок на территории поселка авторами полностью или частично исследованы четыре сооружения жилищно-хозяйственного назначения, что позволило выйти на уровень понимания конструкции данных сооружений. Установлено, что используемый древними строителями тип сооружений широко представлен на позднебронзовых памятниках сопредельных территорий (ирменские, позднеирменские сооружения Новосибирского Приобья и Барабы и саргаринско-алексеевские конструкции Казахстана). Делается вывод о том, что поселение Бурла 3 — стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной застройкой. Указывается, что кроме серии изделий из бронзы, камня и глины, которые находят прямые аналогии в позднебронзовых комплексах Средней Азии и Казахстана, юго-западное направление связей демонстрируют особенности архитектурной организации поселка. В целом, традиции домостроительства жителей поселка находят широкие аналогии в кругу синхронных памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири.

The article is devoted to the introduction of new data about the traditions of house building in “Burla type of monuments” of the late Bronze in Altai Steppe, based on the excavations in Burla 3 settlement in 2013–2015. During the period of the excavations, the authors fully or partially investigated four houses and premises which helped to understand the structure of the construction. It was found out that the ancient builders used the type of structures which is widely represented on the Late Bronze monuments in adjacent territories (Irmen', Late Irmen' of the Ob region in Novosibirsk, Baraba and Sargarinsko-Alekseevskaya constructions of Kazakhstan). It is concluded that Burla 3 is a stationary settlement with architecturally designed buildings. It is pointed out that in addition to a series of bronze, stone and clay objects which find direct analogies in the Late Bronze complexes in the Middle Asia and Kazakhstan, south-west relations demonstrate the features of architectural design of the settlement. In general, the tradition of the housebuilding is a wide range of synchronous analogies on the Late Bronze Age sites in the south of Western Siberia.

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также грантов РГНФ № 15-31-01279 «Домостроительство эпохи бронзы на юге Западной Сибири» и «Древние поселения Северной Кулунды (культурно-хронологический аспект)», проект № 14-11-22002а.

Ключевые слова: археология, Степной Алтай, эпоха поздней бронзы, домостроительство, жилища.

Key words: Archaeology, Steppe Altai, Late Bronze Age, the fellowship, the home.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-39

Эпоха поздней бронзы Алтая характеризуется активными процессами этнокультурного взаимодействия, выразившимися прежде всего в керамических комплексах. Именно они являются важнейшими индикаторами, позволившими дифференцировать различные компоненты: саргаринско-алексеевские, бегазы-дандыбаевские, ирменские, донгальские, участвовавшие в процессе культурогенеза древнего населения. Но при реконструкции систем жизнеобеспечения древнего населения на первое место выходят производственные технологии, в том числе такое важное направление, как домостроительство. В настоящее время авторами накоплен значительный материал по памятникам эпохи поздней бронзы степного Алтая, среди них особое место занимает поселение Бурла 3, исследуемое экспедициями Алтайского государственного университета на протяжении последних лет [1–6]. Оно выделяется тем, что, на наш взгляд, отражает связи древнего населения Кулунды со среднеазиатскими центрами эпохи поздней бронзы. В.С. Удодовым поселение было отнесено к особому «бурлинскому типу памятников», характеризующемуся традицией устойчивого сочетания бегазы-дандыбаевской керамики и посуды, изготовленной с применением гончарного круга [1]. Последующие исследования на памятниках эпохи поздней бронзы Сибири и Казахстана показали, что специфика рассматриваемого явления наблюдается только для региона среднего течения реки Бурлы и более нигде не фиксируется.

В настоящее время на памятнике изучено более 1100 кв. метров площади. В.С. Удодовым было раскопано около 600 кв. м площади, изучены остатки трех жилищ площадью 33–42 кв. м и мощное кострище за их пределами [1]. И авторами в полевые сезоны 2013–2015 гг. было вскрыто 556 кв. м [2–5].

Основной раскоп был заложен нами в центральной части территории памятника и примыкал к раскопу В.С. Удодова 1980-х гг. За три года здесь полностью раскопано одно жилище двухкамерного типа (сооружение 1) и ряд объектов хозяйственного назначения, а также частично исследовано еще три сооружения (2–4) (рис. 1). Основные результаты исследований 2013–2014 гг. уже опубликованы нами ранее [6]. Целью данной работы является публикация уточненных и расширенных сведений о сооружениях памятника с учетом информации, полученной в полевом сезоне 2015 г.

Основной задачей работ минувшего сезона стало продолжение исследования сооружения 2 в южном

направлении, а также прилегающего к нему участка территории памятника. В результате удалось выявить и исследовать южный край сооружения 2, а также обнаружить ранее неизвестное сооружение 4.

Сооружение 2 (рис. 2.-1). Материалы данного сооружения ранее частично опубликованы [6]. Визуально, как и все изученные на памятнике сооружения, на современной поверхности не прослеживалось. Контуры котлована, заполненного светло-серой супесью, стали слабо фиксироваться на уровне древней почвы, а отчетливо проявились при зачистке по уровню материковой поверхности.

Котлован сооружения располагался в 2 м к юго-западу от камеры №2 сооружения 1. Очевидно, длинной осью сооружение ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. Большая часть конструкции уходит в раскоп В.С. Удодова 1980-х гг. и, видимо, была изучена в тот период. Поэтому сегодня судить о конструкции сооружения можно только по изученному в 2013–2015 гг. участку. Общая раскопанная нами площадь сооружения составляет около 28 кв. м. Глубина врезки котлована в материк составляет 0,1–0,2 м. Это юго-восточный участок камеры. Зафиксированы восточная и южная стенки котлована, внутри которого, преимущественно вдоль стенок, обнаружено 18 столбовых ямок и одна хозяйственная яма. Стенки котлована преимущественно вертикальные, поверхность пола ровная, по внутреннему периметру котлована присутствует канавкообразное углубление вдоль стенок, связывающее большинство столбовых ямок. С восточного угла к котловану примыкает четко выраженное в материке искусственное понижение, очевидно, связанное с особенностями функционирования сооружения (рис. 1).

Принципиальная схожесть конструкций сооружений 1 и 2 (одинаковая глубина котлованов, наличие ямок и канавок по периметру котлованов) позволяет предварительно реконструировать конструкцию сооружения 2 как полуземлянку с рамной конструкцией. Очевидно, камеры были углублены в почву на 0,3–0,6 м от древней дневной поверхности. В центре котлованов устанавливались прямоугольные рамы, опиравшиеся на четыре-пять основных несущих столбов. Каркас сооружения представлял собой конструкцию из линий вертикально врытых столбов, которые скреплялись между собой перекладинами. Стены жилища могли сооружаться из вертикальных рядов плетня, расположенных между опорными столбами. Вероятно, стены были углублены в дно котлована, о чем свидетельствуют ка-

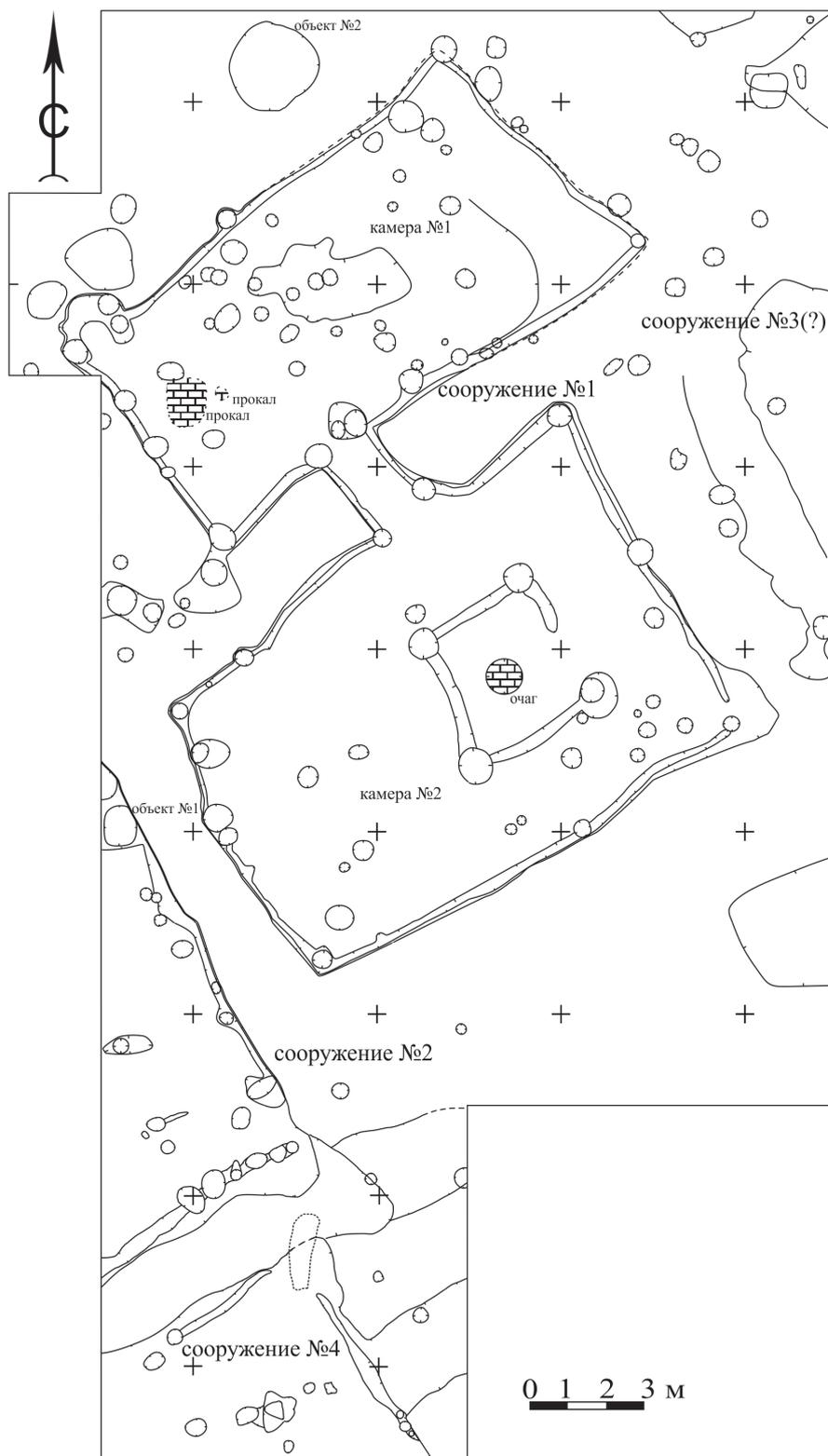


Рис. 1. Сооружения на поселении Бурла 3

навки по периметру конструкции. С одной стороны кровля опиралась на основные несущие столбы, расположенные в центральной части камеры (врыты

на глубину более 0,4 м от дна конструкции), с другой стороны — на менее капитальный каркас вдоль стен котлована (глубина столбовых ям 0,2–0,3 м от дна

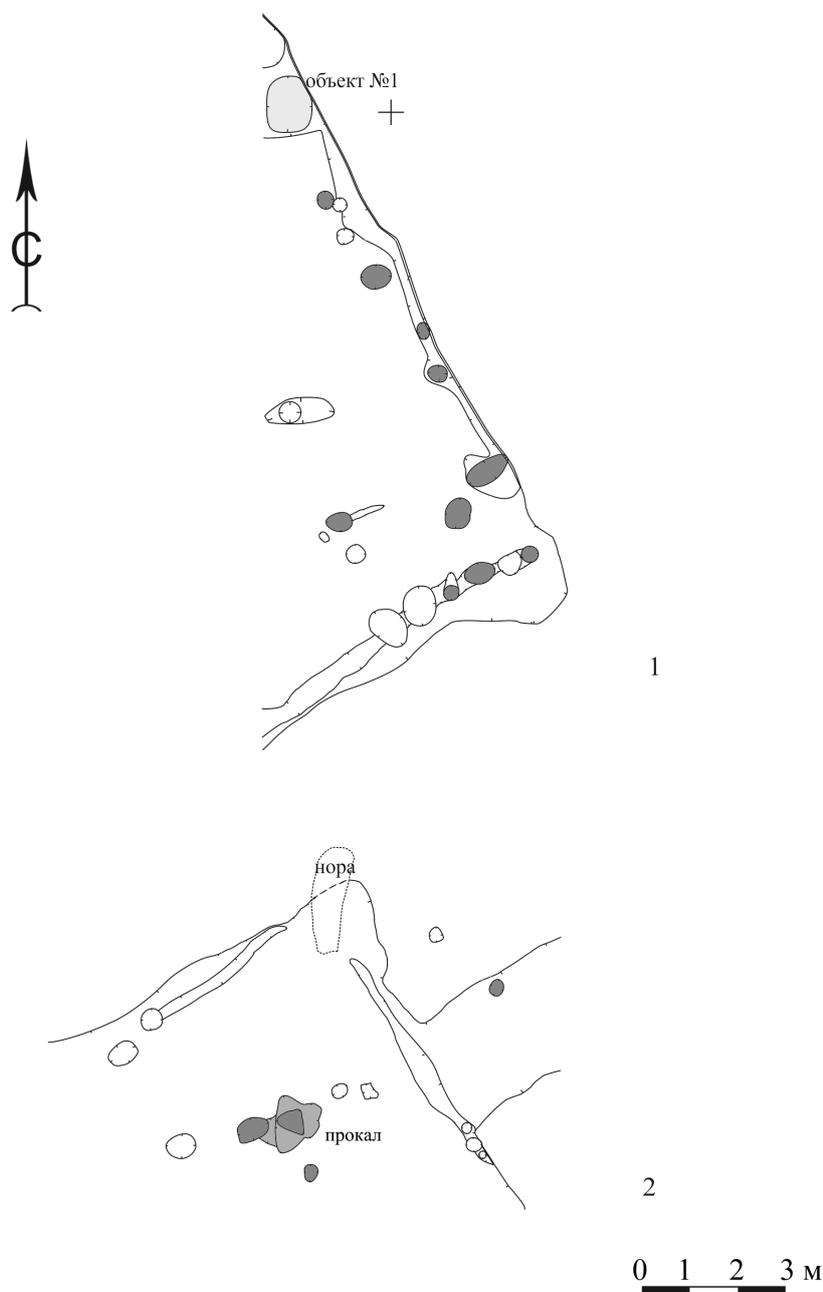


Рис. 2. Сооружения №2 и №4 на поселении Бурла 3. Серым цветом залиты столбовые ямки глубиной более 0,3 м от уровня материковой поверхности или уровня дна сооружения

конструкции). Между собой данные каркасы также, очевидно, были скреплены балками. В центральной части кровли в таком случае могла быть плоской, по краям — пирамидальной.

Подобная конструкция сооружений хорошо известна на памятниках эпохи бронзы региона. В частности, такой тип конструкции зафиксирован на саргаринско-алексеевских сооружениях (камера №2 сооружения 1 поселения Рублево-VI (южная Кулунда) [7], жилища 1 и 3 поселения Жарково-3 (центральная Кулунда)).

И, в целом, он широко представлен на позднебронзовых памятниках сопредельных территорий (ирменские, позднеирменские сооружения Новосибирского Приобья и Барабы, саргаринско-алексеевские конструкции Казахстана) [8–15].

Сооружение 4 (рис. 2.-2) выявлено в 1,4 м к юго-востоку от южной стенки сооружения 2. Очевидно, относится к типу двухкамерных конструкций полуземляночного типа. Общая изученная площадь конструкции составляет около 19 кв. м. Конструкция

ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Зафиксировано при зачистке по уровню материка. Заполнение котлована состояло из светло-серой супеси.

Стенки котлована, преимущественно вертикальные, заглублены в материк на 0,1–0,15 м. Дно ровное, однако в южном углу камеры котлован заметно мельче. В пределах конструкции зафиксировано 11 ямок различной формы и глубины. Отличительной особенностью стала незначительная глубина большинства ямок — только три ямки в центре изученной части котлована имеют глубину более 0,3 м, остальные заметно мельче. В центре котлована, в районе двух глубоких столбовых ям, исследован слабовыраженный провал неправильной в плане формы (в местах наибольшего расширения имел размеры 1,3×0,9 м). По периметру стенок котлована расположены две канавки глубиной около 0,1–0,15 м (от дна котлована), шириной от 0,15 до 0,4 м. Обе канавки зафиксированы примерно в 1,2 м от северо-восточного угла котлована. Однако здесь конструкция повреждена глубокой норой, которая могла уничтожить столбовые ямы и канавки. С северо-восточной стороны к котловану примыкал коридор (длина изученной части 2 м, ширина 1,8 м), который, вероятно, ведет во вторую камеру сооружения. Причем канавка вдоль северо-восточной стенки полностью перекрывает проход в коридор и на этом участке имеет наибольшее расширение — до 0,4 м. Вероятно, это свидетельство более поздней перестройки сооружения — добавление перехода во вторую камеру. У северной стены коридо-

ра имеется одна столбовая яма округлой в плане формы глубиной 0,5 м от дна коридора.

Таким образом, основные элементы конструкции сооружения 4 (котлован, прорезающий древнюю почву и материк, наличие ряда несущих столбов в центральной части сооружения, канавок по его периметру) также позволяют предварительно считать эту постройку полуземлянкой с рамной конструкцией.

Исходя из особенностей обнаруженного материала, специфики заполнения и конструктивных деталей камер сооружений предварительно можно говорить о жилищно-хозяйственном назначении изученных строений.

Подводя итог полевому изучению поселения Бурла 3, обратим внимание на ряд важных конструктивных моментов. Несмотря на то, что традиция домостроительства демонстрирует устойчивые аналогии среди подобных объектов саргаринско-алексеевской и ирменской культур, есть существенные отличия. Как правило, для поселений этих культур характерно расположение жилых и хозяйственных объектов на расстоянии друг от друга (что, по-видимому, определялось скотоводческой направленностью хозяйства). В нашем случае сооружения практически примыкают друг другу, иногда расстояние между стенами составляло менее одного метра (рис. 1), что указывает на иную традицию внутренней организации поселка. В целом, эти данные, наряду с другими, подчеркивают тот факт, что поселение памятника Бурла 3 показывает устойчивый вектор южных связей со средой земледельческого населения Средней Азии.

Библиографический список

1. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1994.
2. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла 3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2014. — Т. XX.
3. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. — Барнаул, 2014. — Вып. 1.
4. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2013. — Т. XVII.
5. Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Вып. XX. — Барнаул, 2014.
6. Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла 3 // Известия Алт. гос. ун-та. — Барнаул, 2015. — № 4/1 (88). DOI:10.14258/izvasu(2015)4.1-45
7. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево-VI) // Маргулановские чтения — 2014. — Алматы ; Павлодар, 2014.
8. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. — Барнаул, 2007. — Ч. I.
9. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. — Свердловск, 1988.
10. Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. — Уфа, 1983.
11. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 21. — М. ; Л., 1951.

12. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966.

13. Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень, 1985.

14. Мыльников В.П. Типы жилищ и особенности домостроения по данным археологии: историографический

аспект // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. — Барнаул, 2014.

15. Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 2/6 (62).